

В этом году исполняется 195 лет этой картине. Поэт, находящийся в южной ссылке, трудился над второй главой “Евгения Онегина”. И над своей родословной – родословной Ганнибалов.

И вот какой шедевр его пера рисовальщика мы находим в его черновиках. Если первую главу Александр посвятил своему родному брату Льву, то очередную, как видим, матери – его поэтическая лира звучит на материнский лад! (архив “ПД”, № 834, л. 36 об.).

Светокопия любезно прислана по ходатайству “Союза журналистов России” (Грязева З. Я.) в адрес музея А. С. Пушкина села Новая Усмань.

*Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла...*

Это заревые строки о героине романа. Кто из нас не помнит пушкинского начала о Татьяне, когда поэт “впервые именем таким // Страницы нежные романа...” решил освятить!

Так вот и мы впервые после полувекового поиска Образа матери в картинной галерее сына решаемся произнести, что здесь Творец изваял Надежду Ганнибал (Н. О. Пушкину!).

На рукописи сего “Александрийского столпа” — Она, которой “...рано нравились романы, // Они ей заменяли всё...”

Да! Пушкин, трудясь над строками романа, конечно, зрел вокруг толпящихся на юге дев, но как без мысли о матери остаться?!

Она, прекрасная креолка с трудною судьбою, в поэзии грешного сына места так и не нашла — так утверждали исследователи до нас.

Надежда Ганнибал... Уж книжки многие о детстве её написаны, но вот в лик Божественный ни одному из авторов не удалось взглянуть — её узнать.

*Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех...*

А вот напев желанный сына ещё за два года до картины сей: стихи Чаадаеву (1821):

*В стране, где я забыл тревоги прежних лет <...>
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
...Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугом улыбнулись;
...Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,*

*И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, ещё не знаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.*

Конечно, это ОНА, не отходившая от сына и вошедшая в наше узнавание. Сын создал стихи-выгравировку собственной десницею; пером Ума и Сердца: подписав “Н. Г.” на Её груди! Видите!

А если всё, очерченное пушкинским пером, со вниманием пристрастным рассмотрите донизу рисунка да брителку не скинете с левого плеча красавицы, то расшифруете дальнейшее. Вот и “О” (чуть наклонённая). Ясно поймёте: О<сиповна>! А из “Н” и П<ушкина> проявляется без проявителя фотодела.

О, Мадонна, подарившая миру поэтического Христа! О, сын, всегда помятый о Матери. С неё начинается Родина!

P. S. А мы счастливы, что впервые вводим в научный оборот пушкистики ещё один рисунок Пушкина опознанным образом.